

Ростовская СТАРИНА

Выпуск № 14 (183)

Ноябрь, 2018

Газета

Государственного

музея-заповедника

«Ростовский кремль»

«Дело музея осуществимо в недалеком будущем ...»

Письма А.И. Кельсиева ярославскому губернатору
В.Д. Левшину о началах деятельности Ростовского музея

28 октября 1883 г. (по старому стилю) в Белой палате Ростовского кремля состоялось торжественное открытие музея. Одним из присутствующих при этом знаменательном событии был хранитель Политехнического музея в Москве Александр Иванович Кельсиев (?–1885).

Роль этого замечательного ученого-просветителя в рождении и первых шагах музея в Ростове Великом до сих пор недостаточно изучена и оценена. А между тем именно ему принадлежит заслуга вовлечения своего ростовского друга, купца и земского деятеля Андрея Александровича Титова, в научный мир столицы. Следствием этого «родства душ» стало знакомство последнего с графом А. С. Уваровым и другими деятелями Московского археологического общества — историками В. Е. Румянцевым, Е. В. Барсовым, И. Е. Забелин, В. О. Ключевский. Еще в марте 1880 г. А. А. Титов становится членом-корреспондентом общества, а в ноябре 1882 г. его избирают действительным членом МАО.

В кругу этого общения и становления А. А. Титова как археолога и вызревает идея масштабной реставрации Ростовского кремля и создания в нем музея. А. И. Кельсиеву — одному из первых в ту эпоху — приходит мысль о важности восстановления уникального памятника. Еще в 1878 г., запрашивая у А. А. Титова фотографии Ростовского кремля для предстоящей в Москве Антропологической выставки выставки (в ее изданных протоколах и был обнаружен на групповом снимке членов комитета выставки портрет Александра Ивановича, впервые здесь воспроизводимый), он писал, что везде «ратует» за этот памятник, «и не умру, не увидавши его в таком же порядке, как Московский».

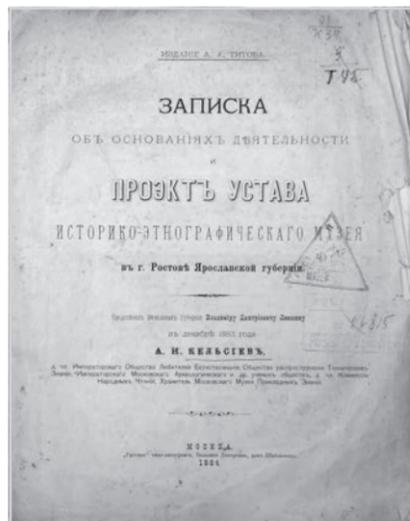
Первые успехи реставрации в Ростовском кремле, инициированные и проведенные А. А. Титовым и его соратниками из местных

купцов — И. А. Вахромеевым, И. А. Шляковым, при непосредственной поддержке Московского археологического общества, рождение в кремлевской Белой палате музея вдохновили А. И. Кельсиева на дальнейшие шаги в поддержку своих провинциальных коллег. По собственному почину он составляет «Записку об основаниях деятельности и проект устава историко-этнографического музея в г. Ростове Ярославской губернии». 30 октября 1883 г. Кельсиев писал Титову: «Увожу с собою в Москву от 28 окт[ября] самое приятное впечатление. Не желая дать ослабнуть ему, я пребываю душою в Белой палате, и теперь готовлю небольшую записку о началах, на которых, по-моему, должен быть основан музей Ваш...».

При финансовой поддержке А. А. Титова «Записка» А. И. Кельсиева увидела свет в Москве в январе 1884 г. О появлении этого важного для современного осмысления истории создания музея в Ростовском кремле документа свидетельствуют вновь отысканные источники. В частности, это письма А. И. Кельсиева ярославскому губернатору В. Д. Левшину, хранящиеся в архивном фонде музея «Ростовский кремль». Два из них, воспроизводимые здесь, датированы 11 декабря 1883 г. Обе корреспонденции (первую из них Кельсиев с некоторыми изменениями опубликовал в качестве предисловия к брошюре) сопровождали представление подготовленной рукописи Записки начальнику Ярославской губернии.

Публикуемые документальные источники позволяют по-новому увидеть обстоятельства возрождения в XIX в. Ростовского кремля и открыть новую страницу в истории рождения музея.

Ярослав Смирнов

№ 1

(л. 1) Ваше превосходительство милостивый государь Владимир Дмитриевич.

Впечатление от Ростовского торжества 28 октября было столь неожиданно прекрасно, что, вероятно, многие по возвращении к будничным занятиям, продолжали витать душою в Белой палате и сочили бы удовольствием потрудиться еще для достойного ее убранства. Примите милостиво прилагаемую Записку, одно из следствий сего впечатления, вызванную главнейше незабвенным примером Вашей

авторитетной поддержки научному подвигу частных (1 об.) лиц и Вашим лестным доверием к составителю.

Внимание и непритворная радость, проявленные к ростовскому делу со стороны всех классов местного общества, суть один из признаков духовного просветления провинции и имеют значение, переходящее за пределы губернии. Новому учреждению, возникшему по общественному почину и на общественные средства, следует, посему, прежде всего, иметь в виду интересы общества и привлекать — высотой и широтой преследуемых задач — к соучастию в своей (л. 2) деятельности возможно большее число способных лиц края.

Я глубоко убежден, что, под Вашим покровительством и при сотрудничестве известных деятелей И. А. Вахромеева, А. А. Титова, И. А. Шлякова и других, дело музея осуществимо в недалеком будущем со всеми изложенными в записке подробностями.

В таких чувствах приношу сию лепту, как дань городу, в числе прежних граждан коего почитаю за честь иметь и своих предков.

(л. 2 об.) Вашего превосходительства душевно преданный и всегда готовый служить Александр Кельсиев.

11 декабря 1883 года.
Политехнический музей.
Москва.

ГМЗРК. АДМ-151. Л. 1–2 об.

№ 2

(л. 3) [11 декабря 1883 г.]

Ваше превосходительство милостивый государь Владимир Дмитриевич.

На третий же день по возврате из г. Ростова я изложил на бумаге идеи о желательных для музея формах развития и готов был переслать свою записку [господам] учредителям, как получил приглашение от осведомившегося о моем труде [господина] вице-председателя Императорского Московского археологического общества прочесть записку в обществе до ее отсылки. Дело затянулось на целые пять недель. В заседании, состоявшемся 7 декабря, общество, прослушав содержание записки, затруднилось дать об ней какой-

либо отзыв, ибо многие стороны развития музея, очерченные в ней согласно намерениям учредителей (л. 3 об.), в отношении, например, к этнографии, к народным чтениям, к художественным классам и прочему, выходят из пределов компетенции Археологического общества. Оно, тем не менее, избрало комиссию для выработки заключений об составе археологических коллекций музея. Почитая свой личный труд достаточно завершённым, имею честь представить его в особом конверте на милостивое воззрение Вашего превосходительства.

В конце декабря полезно было бы сделать в г. Ярославле публичное заседание временного комитета, или комиссии музея, под Вашим председательством, приблизительно такого содержания:

(л. 4) Отчеты об открытии, современном положении и денеж[ных] средствах музея.

Обсуждение программы музея.

Проект устава музея.

О содержании первого тома Сборника.

Обсуждение мер к собиранию предметов.

Обсуждение программы конкурса для лучших описаний достопримечательностей Ярославской губернии.

Проект устава музея, довольно краткий, мною также составлен, и я представляю его Вам не позднее недели вместе с некоторыми другими эскизами.

Я был бы очень рад, если бы Ваше превосходительство соизволили на предварительное оглашение моей (л. 4 об.) Записки пропечатанием ее в местной газете, или иным способом с приглашением желающих представить по сему делу письменные отзывы.

Интересуясь судьбами музея, имею честь почтительно просить Вас приказать заблаговременно уведомить меня о дне заседания, дабы и мне иметь возможность в нем присутствовать.

Вашего превосходительства всепокорный слуга А. Кельсиев.
11 дек[абря] 1883.
Москва.

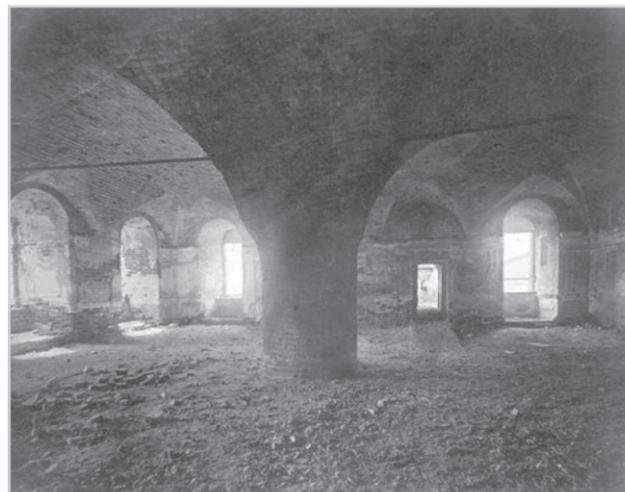
Там же. Л. 3–4 об.

Белая палата – начало музея

25 лет назад, в 1993 году в одноименной Белой палате была размещена экспозиция Музея церковных древностей — созданная В. В. Зяким реконструкция первоначального музея, открытого здесь 28 октября 1883 года. Эта реконструкция была основана на анализе документов, фотографий, картин и рисунков первого музея. На фото: Белая палата до реставрации 1882 года и в наши дни.

Здесь 9–10 ноября 2018 года пройдут торжества в честь 135-летия музея.

Ярославские музеи в Госкаталоге Музейного фонда

Одно из важных направлений деятельности музеев в настоящее время — внесение сведений о составляющих музейные коллекции памятников истории и культуры в Государственный каталог Музейного фонда России. Сейчас в Госкаталоге помещены сведения о 10 366 480 предметах (в том числе публикация 8 074 594 экспонатов сопровождается фотографиями).

В Госкаталоге сейчас представлены 14 музеев Ярославской области.

Это федеральное государственное бюджетное учреждение культуры Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»; государственные автономные учреждения культуры Ярославской области — Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха» (с филиалом «Аббакумцево-Грешнево»), Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник — 11 251. Переславский музей разместил в ГК предмет, Ярославский музей-заповедник — 2 878, Музей истории Ярославля — 2 337.

Размещение в Госкаталоге сведений о музейных предметах существенно облегчает поиск информации о хранящихся в музейных собраниях раритетах, вооружает исследователей и любителей старины новыми данными по истории и культуре России в целом и нашего региона в частности.

Документы 1880-х годов об охране памятников старины Ростовской земли

В документах Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» (далее — ГМЗРК) находятся на хранении дела: «Письма разных лиц В. Д. Левшину с благодарностью по разным поводам» (АДМ-152) и «Копии документов (очерка, докладной записки, протоколов) и переписка И. А. Шлякова по сохранению и реставрации памятников Ростовского кремля и Успенского собора за 1888–1890 годы» (АДМ-68).

В первом деле содержится письмо П. С. Уваровой (писарский почерк) на имя В. Д. Левшина, в котором она с возмущением говорит о действиях некоторых представителей духовенства Ярославской епархии относительно использования памятников архитектуры и сохранения древней живописи, а во вто-

ром — письмо И. А. Шлякова на имя А. Я. Фриде, где содержатся сведения о непростом положении, в котором оказался представитель Московского археологического общества.

Первый документ — это рукопись, сделанная черными чернилами на белом листе бумаги. На просвете просматривается «сетка» из частых полос (вержеры), пересеченных под прямым углом с более редкими полосами (понтюзо). На листе 15 понтюзо. Интервал между ними 2,7 см. На лицевой стороне листа (где имеется угловой штамп) 1-й понтюзо отступает от бокового (левого) обрезана на 2,5 см, а последний (15-й) — на 2,2 см.

Ширина по верхней и нижней кромке 42,5 см, а по боковым обрезам составляет 27 см. Лист сфальцован (согнут) попо-

лам. Каждая из половин листа (27 x 21,2 см) значится в деле как самостоятельный лист. На месте сгиба листа с отступом от верхней кромки на 12,2 см и перпендикулярно корешку имеется неровный разрыв. Его длина ок. 3 см.

Документ в дело не подшит. Он написан на бланке Императорского Московского археологического общества, угловой штамп которого расположен на лицевой стороне листа в верхнем левом углу. В нем типографским шрифтом в 3-и строки прописными буквами напечатано: «(1-я строка) Императорское (2-я) Московское археологическое (3-я) общество». Под последним словом имеется узорная разделительная линия, а под ней в 2-е строки также напечатано: «(1-я) 17 июня 1886 го-

да. (2-я) № 750 (текст 17 июня цифра 6 в год и число 750 написаны черными чернилами)».

На лицевой стороне обоих листов документа в верхнем правом углу имеются пометы: «13» и «14», сделаны другим почерком и простым карандашом. Цифры обозначают архивную нумерацию документа в деле. На оборотной стороне листа под архивной нумерацией 14 в нижнем левом углу имеется помета: «195218», сделана другим почерком и простым карандашом. На боковых обрезках (левом и правом) и в месте сгиба листа имеются загибы и вмятины бумажного носителя.

Текст в обоих документах передается современным гражданским шрифтом с заменой отсутствующих в современном алфавите букв: «i» заменяется на «и», «ъ» — на

«е». Буква «ъ» в конце слова опускается. Знаки препинания расставляются в соответствии с современными правилами. Листы рукописи (recto и verso) отмечаются в скобках; указывается номер листа — просто для recto и с прибавлением сокращения «об.» — для verso. Уточнения и пояснения приведены в тексте в полукруглых скобках.

Второй документ — это рукопись, сделанная черными чернилами на белом листе бумаги. Ширина по верхней и нижней кромке 44,4 см, а по боковым обрезам составляет 35,5 см. Лист сфальцован (согнут) пополам. Каждая из половин листа (35,5 x 22,2 см) значится в деле как самостоятельный лист. Документ подшит в дело во время его комплектования тонкими серыми льняными нитями.

На лицевой стороне листа под архивной нумерацией 24 в верхнем левом углу имеется помета: «17-го декаб[ря] 1888». Там же в верхнем правом углу имеются пометы: «Копия» и «10». Пометы сделаны другим почерком черными чернилами. Число 10 обозначает старую архивную нумерацию документа. Там же на двух листах документа имеются пометы: «24» и «25», сделаны другим почерком простым карандашом. Числа обозначают новую архивную нумерацию документа.

Данные источники представляют самостоятельный интерес, поэтому ниже они публикуются полностью.

Публикацию подготовил
Константин Степанов

1886 г., июнь 17. — Письмо председателя Императорского Московского археологического общества графини П. С. Уваровой ярославскому губернатору В. Д. Левшину о варварском отношении к памятникам архитектуры со стороны духовенства

(л. 13) Милостивый государь, Владимир Дмитриевич.

Вернувшись из Ростова, не могу не высказать Вам, как одному из главных деятелей Ростовской археологической комиссии, то отрадное чувство, которое вынесла из посещения кремля, его возобновленных храмов, стен и палат. Не могу (далее зачеркнуто) сказать того же об остальных церквях города и соседней местности: если в былое время преосвященный Авраамий постарался над искажением древней святыни, то и ныне щадят их не более, и за последнее время искажена церковь Благовещенья в Белогостицком монастыре так, что не осталось следов ни древней живописи, ни (л. 13 об.) древних фресок. Фрески все уничтожены и запачканы масляной краской, великолепные же изображения Спаса и Богоматери в конечных частях притвора до такой степени поновлены масляной краской, что невозможно себе представить, каким образом помочь этому вандализму; сама церковь соединена с покоями настоятеля такими переходами и галереями, которые невозможно было бы возвести, не пробивши новых дверей в стенах древнего храма.

В бытность преосвященного Ионафана в Москве я обратила внимание его на сию грустную реставрацию; но вместе с тем не могу не просить и Вас, как члена Общества и ревнителя старины, дабы внимание Ваше было обращено на то, чтобы подобные факты переделок церквей не повторялись без испрошения на то дозволения Московского археологического общества, факт прямо противоречащий августейшей воле государя императора (л. 14) тора, поручившего Московскому археологическому обществу надзор за всеми памятниками старины в нашем отечестве.

На переделки и росписание церкви Благовещения употреблено, по словам отца настоятеля, 3000 руб., сумма эта позволила бы при указаниях Археологического общества сделать серьезную и достойную реставрацию древнего памятника.

Сообщая Вашему превосходительству о всем вышесказанном, покорнейше прошу Вас принять еще раз выражение признательности и благодарности Московского археологического общества за труды, несомые Вами на сохранение памятников старины земли русской, равно как и выражение в совершенном моем уважении.

Примите уверение в совершенном моем уважении, графиня Уварова.

ГМЗРК. АДМ-152. Л. 13–14.

Подлинник. Рукопись, писарский почерк. Подпись — автограф

1888 г., декабрь 17. — Заявление представителя Императорского Московского археологического общества и члена Комиссии по управлению Ростовским кремлем И. А. Шлякова о выявлении самовольной постройки в бывшем Архиерейском доме, адресованное ярославскому губернатору А. Я. Фриде

(л. 24) Его превосходительству, господину начальнику Ярославской губернии,

Алексею Яковлевичу Фриде.

Члена Комиссии по управлению Ростовским кремлем Ив[ана] Ал[ександровича] Шлякова

Заявление.

В протоколе Ростовской кремлевской комиссии, от 23-го июня сего года за № 3-м, было постановлено относительно прав моих, как представителя Императорского Московского археологического общества в означенной Комиссии, что мне представляется войти в Ярославский комитет с особым заявлением.

Основываясь на сем, я имею честь изложить свое мнение следующими данными: 1) по замыслу Устава Императорского Московского археологического общества, действительному члену Общества вменяется в неуклонное исполнение его обязанностей, чтобы о всех производящихся повреждениях или искажениях того или другого памятника русской старины, восходящего до XVIII стол[етия], немедленно доносить-докладывать Обществу — о причинении ему существенного вреда и порчи, как в художественном, так и техническом отношении; 2) в силу Высочайше утвержденных Правил 4 марта 1888 г. административно-хозяйственного управления Ростовским кремлем, на основании § 2, Императорское Московское археологическое общество, в экстренном своем заседании 10 мая 1888 г., избрало меня своим пред(л. 24 об.)ставителем для заседания в кремлевской Комиссии и в том же заседании указало вменить мне в прямую обязанность о ходе дел в упомянутой Комиссии делать сообщения Обществу (отношение Моск[овского] арх[еологического] общ[ества] 12-го мая 1888 г. за № 722-м) и 3-е) отношение от 17-го июня 1886 г. председателя того же общества гр[афини] П. С. Уваровой на имя действительных членов Общ[еств]а А. А. Титова и меня, коим Московское археологическое общество по поводу искажения Благовещенской церкви в Белогостицком монастыре вменяет в прямую обязанность нашу иметь более строгий и последовательный надзор за памятниками старины, как в самом Ростове, так и его окрестностях.

В настоящее время я с изумлением известил, что во время моего 2-месячного отъезда из Ростова в Крым, в сентябре месяце текущего года, у восточной ограды Ростовского кремля возник целый деревянный пристрой, окончатель-

но искаживший фасадную сторону кремля и даже могущий со временем нанести существенную порчу кремлевским зданиям. Этот в высшей степени дерзкий произвол производившего сказанную пристройку лица остается до настоящего времени не расследованным — кто именно был виновником такого — крайне возмутительного явления? А вопрос об искажении памятника древности означенным пристроем еще до настоящего времени не доложен ведению Археологического общества.

Но здесь важнее всего является смелость самого поступка лица, допустившего (л. 25) сделать безобразный пристрой, не только вопреки существующим распоряжениям Св[ятейшего] Синода 20 декабр[я] 1878 г. — 9 янв[аря] 1879 г., которые ясно указывают, чтобы о пристройках или переделках каждого памятника церковной древности, включая до XVIII в., было бы испрашиваемо должное разрешение ближайшего к месту Археологического общества, но, мало этого, такое (слово написано между строк) самоуправное (далее зачеркнуто это) деяние, как искажение целой фасадной стороны — столь важного в историческом отношении Ростовского кремля, было учинено даже вопреки Высочайше утвержденным Правилам об охране кремля — без ведома и дозволения на постройку со стороны местной кремлевской Комиссии.

Между прочим, на мне, как на действительном члене вышесказанного Общества, лежит прямая (далее зачеркнуто и нравственная) обязанность своевременно уведомлять Общество об искажении (далее зачеркнуто вышесказанною постройкою) того или другого памятника (текст того или другого памятника написан между строк другим почерком и черными чернилами) Ростовского кремля.

Вследствие сего, обращая к Вашему превосходительству, как к (далее зачеркнуто высшему) охранителю в губернии закона и установленных (далее зачеркнуто законом) учреждений, покорнейше прошу Ваше превосходительство указать мне должный с моей стороны образ действий по этому предмету; а вместе с тем присовокупляю мое ходатайство перед Вашим превосходительством о снятии с меня запрещения Ярославского комитета, изложенного в отношении от 4 июня сего года за № 1-м, в котором говорится, что по делам Ростовского кремля я лишаясь прямых сношений с избравшим меня Обществом представителем в кремлевской Комиссии, а иначе, участие мое в заседаниях Комиссии будет не возможное.

(л. 25 об.) При сем имею честь препроводить Вашему превосходительству план Ростовского кремля, на котором помечено место деревянного пристроя к кремлевской стене.

Ростов Великий
Декабря 17 дня
1888 года.

ГМЗРК. АДМ-68. Л. 24–25 об.
Копия. Рукопись

Открытки в собрании Ростовского музея: Ростовский кремль; Белогостицкий монастырь

Финифтяные архиерейские «вензели»

Два предмета, представленные на фото, разделены огромным расстоянием: один находится в Сергиевом Посаде, другой — в Тюмени. Их очевидное на первый взгляд сходство побуждает искать общее в истории их происхождения. Изучив ее, мы приходим к удивительному выводу: в некие времена к этой истории были причастны одни и те же люди; вполне вероятно, что два предмета «встречались», и произошла эта встреча в Ростове.

О первом предмете (ил. 1), из собрания Сергиев-Посадского музея-заповедника, с надписью «Посетившему Ростов 1791 года января 10 ден», известно многое. В каталоге 1988 года (автор-составитель — Л. А. Шитова) он представлен следующим образом: «261. Пластина “Вензель митрополита Платона”, прямоугольная. Ростов, кон. XVIII в. 12 x 9 см, инв. 3708. На зеленовато-синем фоне — вензель митрополита Платона “ММП” в окружении желто-коричневых барочных завитков и предметов культа: митры, крестов, подсвечников, евангелия, рипид и т.д. Надпись внизу: “Посетившему Ростов 1791 года января 10 ден”».

В. И. Борисова установила, что речь здесь идет о том самом вензеле, обстоятельства изготовления которого в качестве подарка для митрополита Платона в память о визите его в 1791 году в Ростов описывает в дневниках Арсений (Верещагин). Она же аргументированно отождествила петровского священника Алексея Игнатьева, которому было заказано написать вензель, с известным ростовским финифтянником А. И. Всесвятским (в статье «Дневник Ярославского архиерея Арсения Верещагина» в «Известиях Вологодского общества изучения Северного края»).

Осторожная музейная датировка произведения — конец XVIII века — излишне широка. С опорой на все на тот же дневник ее можно сузить до времени между январем 1791 года (когда митрополит Платон побывал в Ростове — и ярославский архиерей сделал заказ на изготовление сувенира), и маем того же года (когда мастер передал архиепископу Арсению сам вензель «на имя Московского митрополита Платона» и «финифтяную ж штуку-ростовских чудотворцев»).

В каталоге завитки орнамента вензеля представлены как барочные. Но и колорит вензеля, и этот орнамент — асимметричный, с характерными картушем и завитками — вполне соответствует стилю рококо.

Каталог никак не описывает буквы вензеля и неправильно их предстает: на пластинке они даны не кириллицей — ММП (см. выше), а латиницей — ММР (ил. 1). Отсутствует также указание на венчающий композицию символ Бога — треугольник в сиянии с надписью «о Θεος».

Со ссылкой на указанный дневник М. М. Федорова в статье «Ростовская финифть в дневниках преосвященного Арсения (Верещагина)» (Сообщения Ростовского музея. Вып. 15) пишет об оформлении платоновского вензеля серебряной оправой с латинской надписью на обороте. Правда, надпись передана с ошибками: «Platoni Avsenins», а не «Platoni Arsenius» (так она опубликована в «Сборнике писем духовных лиц XVIII в. к преосвященному Арсению (Верещагину), архиепископу Ростовско-Ярославскому...» (Тверь, 1893)).

Сейчас «Вензель» находится в экспозиции Сергиев-Посадского музея, предложенное В. И. Борисовой авторство А. И. Всесвятского на этикетке указано под вопросом. Пластинка экспонируется без оправы (возможно, утраченной).

Второй предмет (ил. 2) находится в собрании Музейно-выставочного центра имени И. Я. Словцова (М-50). Он поступил в Тюменский областной краеведческий музей в 1940 году из Эрмитажа. Предмет опубликован в Государственном каталоге Музейного фонда России под названием: «Пластинка медная, эмалированная, прямоугольная, выпуклая с монограммой». Его размеры — 13 x 9 x 1,5, местом создания указана Россия.

Судя по названию, в музее не смогли определить назначение этого предмета и оценить его значение. Однако ценно, что предмет представили с полнотой, максимально возможной для публичного портала Госкаталога. Предмет описан следующим образом (в цитате исправлены грамматические ошибки, для удобства чтения текст разбит на абзацы):

«Представляет собой медную выпуклую пластину прямоугольной формы, обработанную вручную. Вся поверхность пластины покрыта цветной эмалью и росписью.

Характер росписи соответствует стилистике “рококо” середины и второй половины XVIII века. Орнамент росписи имеет русскую православную направленность, изображен крупный вензель в овальной фигурной раме в окружении деталей облачения и атрибутов высших чинов православного священства (архиереев).

Вензель выполнен на голубом фоне, представляет собой несколько красиво переплетенных тонко написанных букв желто-коричневого, зеленого и серо-голубого цвета (возможно, изображение букв А, П, Л, М, Т).

Над вензелем изображена митра (без креста) розового цвета, украшенная тремя образами и камнями. Слева от митры — посох — знак власти высшего духовенства, с фигурной перекадиной и округло загнутыми вверх, обращенными друг к другу концами. На посох надета цепь с пангией овальной формы с образом Богородицы. Справа от митры — большое распятие — священнический крест, на который надет наперсный крест на цепочке. По обе стороны от посоха и распятия — две рипиды в виде круга с изображением шестикрылого херувима, на длинной рукояти, употреблявшиеся при службе высшего духовенства (архиереев).

В верхней, голубой части пластины, символизирующей небо,

Ил. 1

изображены три солнца, на солнце слева (вероятно — описка, следовало бы: справа — Л. М.) изображен четырехконечный крест. В левой части пластины изображены: диск с лежащим на нем Агнцем, символизирующим Христа, ниже — диск с просфорами, ниже — палица ромбовидной формы с золотым крестом в центре, символизирующая духовный меч, далее — скрижали с десятью заповедями в виде двучастной доски серого цвета и изображенными римскими цифрами — от I до X и висящим на элементе растительного орнамента рамки монограммы кадиллом на цепях. Ниже — облаченье голубого цвета с желтыми полосами, розовый епитрахиль с черными крестами, поручи розового цвета.

Справа от монограммы изображен диск с куличом и потир, ниже — Евангелие розового цвета с пятью клеймами, под ним — элементы священнического облачения — саккос и омофор. Под саккосом изображен орлец — небольшой овальный коврик с изображением крепости и парящего над ней орла, на котором во время службы стоит архиерей.

В нижней части пластины изображены блюдо с кувшином, трикирий и дикирий, употребляемые при архиерейском богослужении.

Часть деталей орнамента выполнена поверх эмали красно-коричневой и золотистой красками, вероятно, в более позднее время (палица и др. полустертые элементы).

На оборотной стороне эмаль бугристая, серо-розового цвета. По периметру пластины видны следы от крепления пластины тонкими фигурными металлическими заклепками, возможно, к деревянной крышке».

Правильное название описанной «Пластинки» мы находим в «реестре» работ, которые в мае-июле 1797 года живописец Горячей (М. Горячев) выполнил в Ярославле по поручению архиерея (опубликован в сноске 26 статьи Т. В. Колбасовой «Иконография архиепископа Ростовского и Ярославского Арсения (Верещагина)» в сборнике «История и культура Ростовской земли. 2002»). Перед нами — принадлежавший архиепископу Арсению «Вензель [с] Архиерейскими Клейнодами», на котором были «вновь написаны кавалерия и звезда».

Этот «вензель», как и платоновский, выполнен в технике расписной эмали по меди. Отождествить его с описанным в «реестре» помогает указание на следы позднейшей правки — нанесения поверх эмали красно-коричневой и золотистой красками изображений «палицы» и неназванных элементов.

Очевидно, что эта правка арсениевского вензеля не имела результатом изображение палицы. Палицы на обоих вензелях изображены были изначально — внизу композиции, по центру. На арсениевском вензеле палица почти утрачена, но ее фрагмент заметен внизу слева. То, что в описании представлено как находящаяся в левой части пластинки над скрижалями «палица ромбовидной формы с золотым крестом в центре», на самом деле есть звезда ордена Александра Невского, которым архиепископ Арсений был пожалован в 1797 году. «Кавалерия» — красная кавалерская лента этого ордена, которую мы видим, например, на живописном портрете архиерея 1798 года из Рыбинского музея (Ж-630) — показана сверху и внизу вензеля, по обе стороны от митры и между дикирием и трикирием.

Прочтение монограммы становится очевидным при сравнении букв «Пластинки» с монограммой (ил. 3) архиепископа Арсения (Верещагина) на рыбинском портрете: это «АА»: «Арсений Архиепископ» (либо: «Архиепископ Арсений»).

Сравнение двух финифтяных вензелей — арсениевского и платоновского — демонстрирует их сходство. Повторя-

Ил. 2

Ил. 3

Ил. 4

ются композиция, схема обрамляющего монограммы орнамента, венчающий картуш с монограммой треугольник с надписью «о Θεος», состав, расположение и рисунок «архиерейских клейнодов» — реликвий, атрибутов сана, элементов архиерейского облачения и литургических предметов. Сходна такая деталь, как размеры ореолов «сияния» вокруг сакральных символов (которые в тюменском описании названы «солнцами»): самое большое окружает символ Бога, поменьше — Агнца, самое маленькое — крест над потиром. Оба предмета в настоящее время лишены оправ, но в прошлом их имели.

Различия же следующие. Рисунок арсениевского вензеля более сложен, колорит — богаче. Буквы на нем одинаковы по написанию, но различны по окраске — так же, как на монограмме рыбинского портрета. Буквы платоновского вензеля выполнены одной красно-коричневой краской с белыми бликами. Вензель «ММР», за исключением (правые вертикальные элементы у букв М и петли у внешней буквы М), схож с вензелем на сулоке (3948-ИХО) из собрания Сергиев-Посадского музея (ил. 4) и отличается от вензеля «МР» на портрете (Ж-851) митрополита Платона (Левшина) 1812 года в собрании Переславского музея-заповедника.

На арсениевском вензеле наперсный крест и пангия размещены на архиерейском посохе и Распятии по обе стороны от венчающей композицию митры, на платоновском — висят на завитках рокайльного орнамента по обе стороны от букв. На платоновском вензеле нет изображенного слева кадила на цепях.

Сравнение предметов дает основания для уточнения датировки вензеля из Тюмени. Сейчас датировка «Пластинки медной» в Госкаталоге очень широкая — XVIII век. Между тем в приведенном описании на основе стилистического анализа уже предложена датировка более узкая: середина — вторая половина XVIII века. Сузить ее можно до времени между 1785 годом, когда Арсений (Верещагин) стал архиепископом, и 1797 годом — когда М. Горячев дополнил изображение «звездой» и «кавалерией».

Есть соблазн предположить, что арсениевский вензель явился образцом для платоновского. Но если это так, то автор не буквально повторял образец, а лишь следовал его общей структуре. В любом случае окончательный вывод здесь нельзя сделать без дополнительных исследований, и натурных в том числе.

Открытым остается вопрос о функции финифтяных «вензелей». Очевидно лишь, что финифтяный вензель для Платона (Левшина) был исполнен как сувенир, как о том свидетельствуют дневник Арсения (Верещагина) и надпись на пластинке.

Сарское городище: история утраты

В РС № 8 (177) мы опубликовали топографический план Сарского городища, снятый в 1929 г. незадолго до уничтожения памятника. В музее «Ростовский кремль» хранятся не только графические, но и текстовые документы, связанные с Сарским городищем. В архиве музея хранится дело АДМ-542 «Переписка по Сарскому городищу», с указанием дат начала и окончания — 1929 и 1932 гг. соответственно. В деле содержатся подлинные документы или их копии, проливающие свет на историю уничтожения уникального памятника археологии — Сарского городища — трестом Москамнеруд. Одним из наиболее информативных документов является письмо заведующего археологическим отделом музея Дмитрия Алексеевича Ушакова в Государственную академию истории материальной культуры, находившуюся в Ленинграде. Это была главная археологическая

организация в стране, созданная на базе Императорской археологической комиссии. Правопреемником этой организации в настоящее время является Институт археологии РАН (Москва), отчасти — Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург).

В деле АДМ-542 хранятся черновой вариант письма, написанный Д. А. Ушаковым карандашом, трудночитаемым почерком, и три машинописных экземпляра, на одном из которых присутствует пометка чернилами «д. 1. Исход[ящий] № 1947, 16/VIII». Текст приводится по машинописной копии. При публикации документа скобки в виде двух косых черт заменены на круглые, дефис — на тире. Символ « \gg », ставившийся вместо твердого знака, заменен на последний. Пропущенные буквы приведены в скобках.

Алексей Каретников

Письмо Д. А. Ушакова в Академию истории материальной культуры, 16 августа 1930 г.

(л. 83) В Академию Истории Материальной культуры.

Академии, вероятно, неизвестно о производстве раскопок на Сарском городище близ с. Дебол Ростовского района ИВПО*. Раскопки эти в текущем году явились продолжением работ предыдущего года, а начало производства их было вынуждено тем, что массив возвышения, на котором городище стоит, срывается Трестом Москамнеруд, добывающим там гравий. Протестуя своевременно против намечавшегося срытия, Ростовский Музей обращался за поддержкой в академию Истории Материальной Культуры. Однако протесты остались безрезультатны. Главнаука дала согласие на срытие с тем, чтоб на работы по фиксации городища, как сооружения в целом и на открывающиеся на нем отдельные сооружения, а равно на раскопки, Трестом были отпущены средства. На это Трест согласился. Разработка массива городища была намечена Трестом в пять лет. На первый в 1929 г. было отпущено Музею на упомянутую выше работу 1800 руб., кроме этого, трест обязался предоставить в распоряжение руководителя раскопок своих рабочих. Обещания эти выполнены Трестом полностью не были; рабочих Трест не предоставил. За счет урезания других расходов рабочие были взяты непосредственно и раскопки 1/5 части городища подлежащей сносу в 1929 году и зимой 1930 г. были произведены. Руководителем раскопок был Д. Н. ЭДИНГ.

Зимой производственная программа Треста увеличена и все городище намечено было к сносу в течении 1930 г. В связи с этим у Ростовского Музея возникла переписка об отпуске Трестом средств больше, чем было намечено ранее на 1930 г. не 1000 рублей, а 3250 р. Первоначально обещая отпустить эти средства Трест Москамнеруд в конце концов не отпустил ничего до сего времени, даже и ту тысячу рублей, на которые имеется непосредственные его обязательства.

Между тем работы осенью закончены им не были, а продолжались и зимой, притом усиленными темпом. Местные представители Треста в это время заверяли, что их работами будет затронута лишь та часть городища, которая раскопками закончена. К весне 1930 года работники Треста были сменены. Новые работники, не зная или не желая выполнять обязательств своих предшественников, стали производить заготовку гравия в тех местах, где было для них удобнее — и там, где раскопок еще не было. Чтoб верхняя «черная земля» не портила «продукцию» она снималась и свозилась на свалку. Этими работами была затронута еще небольшая часть площади. В апреле руководство местными работами Треста было реорганизовано с назначением новых работников, коим прислана директива произвести подготовительные работы и окончить их к июню. В эти работы входило удаление «черной земли» с поверхности городища и глинистых слоев под ней, где таковые встречались. Работа эта начата была 26 апреля и к 7/V была уже снесена 1/3 поверхности с южной стороны. Об этом Ростовский Музей не извещался. Новый руководитель не был поставлен Трестом в известность о необходимости согласования этих работ с Ростовским Музеем. Получив извещение через Рабочком карьера Треста об идущих находках, Музей срочным выездом остановил (л. 84) производство работ и немедленно, по согласованию с Главнаукой, начал свои раскопочные работы. На их производство получено было из Главнауки 300 рублей и 1000 рублей выделил Ростовский Музей из своих средств, сняв ряд других работ.

Главное внимание обращено было на исследование сооружений. Трестом одновременно сносились второй и третий валы со рвами, укрепления заболонья, и снималась с двух сторон площадь городища на протяжении 300 метров (число рабочих Треста доходило до 1200 человек). Для наблюдений

и фиксаций были привлечены, кроме сотрудников Ростовского Госмузея УШАКОВА, окончившие Археологическое отделение И МГУ вр. сотрудники РОСС Ист. Музея Тарасова и Вашкова, сотр. Моск. Обл. Музея Розанова, Яросл. Музея Тихомирова, а для выполнения подсобных работ, как то: вырезки монолита, помощь при замерах, выезжали другие сотрудники Ростовского Музея (наконец, на городище выезжал Д. Н. Эдинг). Ввиду ограниченности имеющихся средств пришлось большую часть работ производить, используя по возможности работы Треста, делавшего вырезы в почве. Согласно их производству в направлениях интересных для исследования, приходилось в тех случаях, где согласовать было невозможно производить раскопки самостоятельно. В ряде случаев пришлось вступить в договорные отношения с рабочими Треста и за приплату к основной их оплате удалось добиться послыного снятия культурного слоя. На эти работы и последующую обработку полученного материала были израсходованы все средства. К 20 июня работа в основном закончена и с этого времени велось лишь наблюдение за работами Треста эпизодическими наездами из Музея. Из неоконченных работ оставались подлежащими производству съемки профилей с разрезов валов (таковые сняты в нескольких местах, т.к. сохранившегося профиля первыми разрезами не получено) и наблюдение за снятием части поверхности заболонья происходившего очень глубоким слоем и чрезвычайно медленно.

В первых числах июля на территории за 3-м валом городища, где ранее установлено ничего не было, хотя были отдельные случайные находки, работами Треста по снятию почвы обнаружены места, отдающие ряд вещей, типичных для погребений. Таковы были комплексы из наконечника копья, втульчатого топора и ножа, парой браслет[ов] бронзовых витых — од[на] пара с сохранившимися костями рук. Однако погребений долгое время обнаружено не было. Встречались в разрезах Треста редкие

неглубокие (до 33 см) углубления почвенного слоя с золистыми пятнами в них. Только ближе к верхней части площади обнаружен был первый костяк. Это обстоятельство вынудило Ростовский музей вновь начать раскопки, которые и установили наличие могильника с преобладанием в нем трупосождений. На это дело музеем брошены все средства, которые было можно употребить. Но ввиду их ограниченности нельзя было развернуть работу должным образом. Поэтому Музей обратился вновь в сектор Науки Наркомпроса об отпуске денег. Сектор Науки отнесся с своей стороны к Тресту Москамнеруд об отпуске той тысячи рублей, которая стояла в обязательстве. Между тем, мне известно, что в настоящее время руководители Треста без судебного или арбитражного решения средств давать не намерены. Раскопки пока продолжают сколько окажется возможным. Между тем, неотпуск денег ни Главнаукой**, ни Трестом ставят по угрозу срыва эти раскопки, а могильник под угрозу сноса безо всякой фиксации. Так как остановить работу Трестом, выполняющего наряды на строительстве не возможно, — южный край площади могильника срыт еще ранее частью без предварительных раскопок. В последнее время в связи с отливом рабочих на полевые работы съемка слоя с поверхности остановлена и ведутся лишь разработки с север[ной] стороны, где происходит непосредственно отгрузка продук[та].

(л. 85) При съемках и с этой стороны встречены уже погребения. Площадка, заключающаяся между этими обоими сторонами разработок равна в настоящее время около 9000 кв. метров. С южной сторо[ны] вырезка Треста примыкает к месту наиболее густо-расположен[ных] погребений. На этом участке пока и сосредоточено все внимание раскопочных работ Музея. Однако в ближайшее время все средства Ростовского Музея истекают, в связи с чем работы будут закончены.

В распоряжении Треста в то же время начался новый прито[к] рабочих, и Трест начинает их ставить вновь на съемку пове[рх]ности. По плану Треста съемка верхнего слоя должна быть окон[ч]ена к 10-му сентября, фактически же и по расчетам местных руководителей будет закончена около 30-го.

Это обстоятельство заставляет не упускать ни одного дня при производстве раскопок. Всякий же срыв их, хотя бы и временный, повлечет уничтожение ряда погребений.

Считаю со своей стороны необходимым поставить в известность Академию об изложенном и просить об отпуске, есл[и] это возможно, средств на работы и о помощи в производстве р[а]бот, каковые можно усилить при наличии большого количества их производителей.

Одновременно должен отметить, что работа на городище производится непрерывно всю неделю, и временами в две смены, что для одного человека, — руководителя работ и наблюдающего, неподсильно.

Ответ прошу дать на Ростовский Музей.
РУКОВОДИТЕЛЬ РАБОТ НА ГОРОДИЩЕ
(Ушаков).

ГМЗРК. АДМ-542. Л. 83-85

Илл. 1. Рабочие треста Москамнеруд на Сарском городище, 1930 (?) год. ГМЗРК. Фт-439/6

*В рукописном варианте — Ив. ПО, правильно — ИПО. Ивановская промышленная область — административно-территориальная единица РСФСР с центром в г. Иваново-Вознесенск, существовавшая с 1929 г. по 1936 г.

** Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями — подразделение в структуре Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпроса), существовавшее с 1921 по 1930 г., в 1930–1933 гг. — сектор науки Наркомпроса РСФСР.

Медведь-топор

Окончание. Начало в «РС», № 168–170, 172–174, 176–177, 180, 181

Данная статья завершает серию публикаций, текст для которых был подготовлен в 2013 г. сотрудником Института археологии В. В. Сидоровым, участвовавшим в качестве консультанта в создании двух первых залов исторической экспозиции

Вещь начинает говорить о тех, кто ее делал, кто ею пользовался, когда она связана с другими вещами. Случайная находка — вещь без связей. Таков каменный топор со скульптурной головой медведя из Ростовского музея. Попробуем эти связи найти. Мы не первые — он известен давно — вещь яркая.

Дмитрий Александрович Крайнов, исследователь фатьяновской культуры — народа, знакомого со скотоводством, но пришедшего в лесные края 4 тысячи лет назад, уверенно относил этот топор к фатьяновским древностям. Не зря ведь эта культура — одна из культур боевых топоров. Крайнов считал, что пришли они из Литвы. Но самые ранние могильники их показали иное направление — из-под Киева, и лет на 500 раньше. Фатьяновская культура резко отличается от местных охотников и рыболовов. Другая посуда, другое оружие, другие обычаи. Их могилы на высоких местах над реками, где каждый мужчина уходил на тот свет вооруженный и снаряженный — с боевыми и рабочими топорами, мелким инструментом, посудой. Ничего этого нет в могилах туземцев. Долго не могли найти поселения фатьяновской культуры. Сейчас они нашлись, и оказались очень не похожи на стоянки рыболовов. Но это все известно по другим памятникам. А что может рассказать этот топор?

Начнем с того, что боевые топоры — не только у фатьяновцев. Они есть у всех скотоводов в степях и лесостепи. Они есть и севернее, вплоть до Карелии, хотя фатьяновские могилы и посуда не встречаются дальше Поречья Волги. При этом не только принесенные издалека, но и сделанные на месте. Об этом говорят отходы производства (каменные цилиндрики-высверлины), незаконченные вещи. И так ли этот топор похож на фатьяновские? Фатьяновские к лезвию расширяются, а этот заужен. И самое существенное — он сделан в иной технологии. Проух фатьяновских топоров сверлен полым сверлом, трубчатой костью, заполненной песком, скорее всего, в специальном станке. А у нашего топора совсем другая технология: отверстие продолблено, а затем расточено. Это более древний прием, он использовался за тысячи лет до фатьяновской культуры. И именно таким способом делали проух в Карелии, и для топоров, и для наконечников — булав. К тому же

знаменитые «олонецкие кирки» — обширная серия сверлёных орудий из-под Петрозаводска — тоже имеют зауженное острие. Все это — случайные находки, такие же вещи без связей, как наш топор с медведем. Их относят к эпохе бронзы, как и фатьяновские, но только на том основании, что работа великолепная. Но в конце концов удалось найти в жилище, где посуда была с примесью асбеста (а это значит чуть более позднее время, чем фатьяновская культура) и заготовку скульптурного топора.

Среди орудий из Карелии — серия тоже с головой медведя на обушке, великолепно шлифованные, украшают Исторический музей в Москве. Это не столько оружие, сколько жезл и произведение искусства. Некоторые слишком велики, чтобы быть реальным оружием. У одного на обушке человеческая голова. А в истоке Мологи был найден роговой топор, явно не для боя, такого же типа, как наш, но на обушке у него в разные стороны смотрят двое бородатых мужчин. На скалах Карелии и Норвегии выбиты изображения мифических существ, сражающихся топорами, как раз с медвежьей головой — так что подобное оружие — это для войн, в которых участвуют духи.

Один из персонажей первобытного пантеона — медведь, где-то — это хозяин тайги, повелитель всех зверей, где-то — предок человека или конкретного рода-племени. Медвежий культ распространен по всей лесной зоне, от Атлантики до Тихого океана, начиная со времен неандертальца. Нельзя сказать, чтобы он был частой добычей. Но внешнее сходство с человеком этого сильного и опасного зверя с непредсказуемым поведением бросается в глаза всем, кто с ним встретился. Естественно наделить главное оружие его силой.

Рубящее оружие появляется, по-видимому, первым. То, что археологи определяют как ручное рубило, функционировать могло и как топор в рукоятке — его закрепить гораздо проще, чем наконечник копья (древнейшие копья обходились без наконечников). А это значит, что топору уже миллион лет. И когда на скале надо было изобразить смертный бой, не очень годилось копье или стрела — настоящим оружием, в котором могла действовать магическая сила, ока-

Ил. 1. Каменный топор с обухом в виде головы медведя, II тысячелетие до нашей эры. Длина топора — 20 см. Наибольшая ширина — 7 см. Длина лезвия — 4 см

зывался именно топор.

Как мог попасть наш Медведь, почти наверняка карельского происхождения, на Неро? Просто — на лодках. Тысячекилометровое путешествие — это так естественно. Кто-то из тех мест пришел к нам. Вот, например, еще один след: орудия из карельского кварца. Очень редко, но они встречаются и на стоянках Неро. А это очень специфический материал,

и работать им — это надо привычку, навык иметь. Путешествовали и фатьяновцы. Например, в Московском Кремле был найден боевой топор из Силезии. Путешествовали и местные охотники и рыбаки. А потому еще и родственные связи поддерживать надо. Так что границ у культур не было.

Владимир Сидоров

Археологические исследования на Горе святой Марии

Первые археологические исследования на Горе святой Марии, расположенной в 35 км к юго-западу от Ростова и в 27 км на север-северо-восток от Переславля-Залеского, провел один из отцов-основателей Ростовского музея Андрей Александрович Титов в 1881 г. В своей книге «Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание», изданной в 1885 г., А. А. Титов отметил: «Вообще эта гора требует основательного исследования, которое и может пролить новый свет на эту бесспорно историческую местность». Позднее он пытался привлечь московских археологов к исследованию Горы святой Марии, и даже предлагал финансовую помощь, однако раскопки не состоялись.

В 1920-е гг. Горой святой Марии заинтересовался директор Ростовского музея Дмитрий Алексеевич Ушаков, по инициативе которого в 1924 г. в музее был основан археологический отдел.

В 1927 г. Д. А. Ушаков провел разведки, в ходе которых были обследованы место церкви святой Марии, курганный могильник и выявлены два новых памятника — «сторожевой курган» и курганный могильник из 5 курганов, «сплошь обложенных камнями» в урочище Черный враг.

Продолжение исследований на Горе святой Марии было включено в план работы музея, но в 1931 г. Д. А. Ушаков подвергся репрессиям, и его открытия оказались надолго забыты.

С 2016 г. исследования на Горе святой Марии проводит Археологический отдел музея-заповедника «Ростовский кремль». Оказалось, что концентрация археологических объектов на Горе святой Марии чрезвычайно высока, причем многие из них датируются XIII веком.

В 2017 г. на учет постав-

лено четыре новых памятника — места поселений XII–XVI вв. в пустошах Пенье, Поповка, Колоколенка и Мозжевелка. Разведки этого года еще не завершены.

На данный момент в орган охраны памятников — Департамент охраны объектов культурного наследия Ярославской области — направлены сведения по трем обнаруженным в 2018 г. памятникам, среди них два селища и один курганный могильник. Последний соотносится со «сторожевым курганом», открытым Д. А. Ушаковым.

По итогам разведок в фонды музея уже передано более 80 предметов. Про некоторые находки мы уже писали (РС. Вып. 180, 182). Здесь расскажем про еще один значимый предмет.

При проведении археологических разведок на Горе святой Марии, в 60 м к северо-западу от селища XIII–XVI вв., которое отождествляется с погостом Марии Египетской, в слое листвы была обнаружена массивная железная пластина с двумя

загнутыми краями, образующими разомкнутую втулку (см. ил. 1). Отдельные участки пластины были покрыты мхом.

Вполне вероятно, что предмет был выкопан грабителями и брошен на месте. Грабительские разрытия в этой местности фиксировались в 2009 г.

Предмет изготовлен из цельного кованого листа толщиной 4–6 мм. Его длина в настоящее время составляет 21,3 см, но острие пластины обломано. Первоначальная длина могла доходить до 27–28 см. Максимальная ширина — 19,3 см. Ширина втулки — 15,5 см. Вес предмета — около 1,2 кг.

Археолог Ю. А. Краснов, исследовавший древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы (им к 1987 г. было учтено 12 экземпляров на памятниках Древней Руси, Волжской Булгарии и Молдавии), интерпретирует подобные предметы как плужные лемехи и относит к «послемонгольскому времени», не указывая на конкретные века.

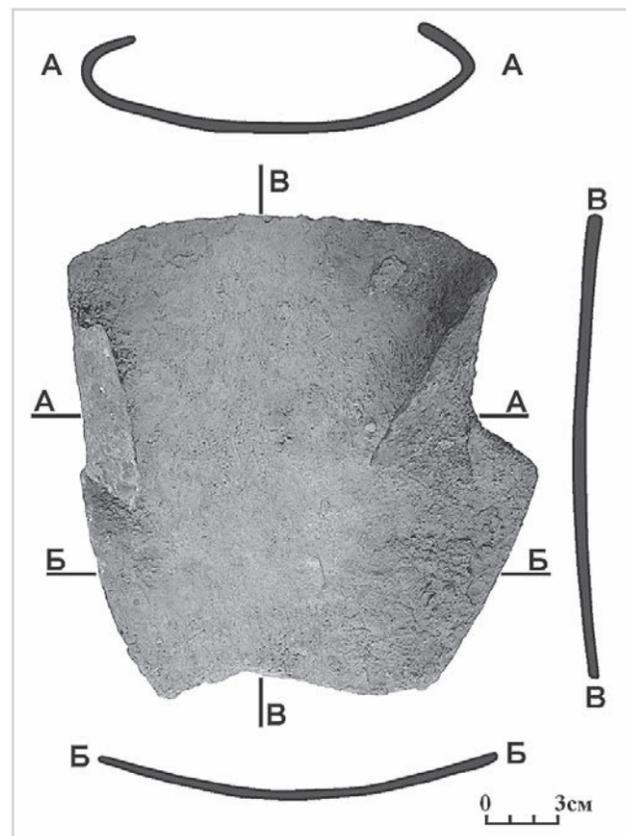
Важно отметить, что уменьшение толщины нашего лемеха приходится на острие. Небольшая толщина лемеха, видимо, и привела к его поломке.

Наша находка надежно соотносится с территорией пустоши «Поповка». Судя по плану дачи Генерального межевания 1791 г., здесь произрастал «дровяной» лес.

Хронологически и территориально находка связана с селищем XIII–XVI вв. Находка лемеха чрезвычайно важна для понимания истории сельскохозяйственного освоения Горы святой Марии и истории сельского хозяйства в округе Ростова в целом. До настоящего времени в окрестностях Ростова наконечники средневековых пахотных орудий не находили.

Место обнаружения лемеха необходимо в дальнейшем исследовать археологическими методами. Находка может указывать на наличие здесь древней пашни, либо на существование культурного слоя поселения.

Алексей Каретников, Вера Каретникова

Ил. 1. Плужный лемех, найденный в 2017 г. на Горе святой Марии. Железо, ковка, вторая половина XIII в. – XIV в. Рисунок подготовили С. Григорьев и А. Каретников

Как мы делали музей

К 10-летию Музея ростовского купечества

Десять лет назад, 29 августа 2008 г. в Ростове открылся новый музей — Ростовского купечества. Этому событию были посвящены торжества, прошедшие 13 сентября 2018 г. в Кекинском доме (второе название музея — по имени владельцев усадьбы, ростовских купцов Кекиных).

Рабочие моменты строительства экспозиции. Ил. 1–2. А.Г. Морозов; Г.И. Радовский и Г.В. Медведев

История музея уже нашла свое отражение в публикациях Е. И. Крестьяниновой и Г. А. Никитиной. Авторы отмечают, что она началась в 1999 г., когда музеем-заповеднику «Ростовский кремль» город передал старинный купеческий особняк, стоящий на ул. Ленинской, 32. Немало усилий к этому приложил тогдашний директор музея В. А. Ким.

О доме, представляющем главную часть обширной городской купеческой усадьбы, было тогда известно, что он принадлежал купцам Кекиным. Музеем дом достался после сельскохозяйственного колледжа, располагавшегося здесь с октября 1917 г. Здание нуждалось в капитальном ремонте, реставрации, музеефикации и, соответственно, исследовании. Оно изучалось и как архитектурное сооружение, и как объект историко-культурного наследия города.

Формированию усадьбы, строительству основных ее элементов посвящена статья А. Г. Мельника. На протяжении десятилетий историю и генеалогию ростовского купечества исследовали Е. И. Крестьянинова и Г. А. Никитина, выпустив книгу «Граждане Ростова». Над расшифровкой рукописей Кекиных работал И. В. Сагнан. Описи движимого и недвижимого имущества дома Кекиных XIX в. подготовила к печати Н. Г. Рязанова.

На реставрацию и капитальный ремонт главного дома усадьбы Кекиных средства в сумме около 4-х миллионов рублей были выделены Министерством культуры РФ. Работы велись на протяжении восьми лет. Параллельно с ними дирекция во главе с А. Е. Леонтьевым, ученый совет музея решали вопрос его музеефикации. Ход работ по реставрации и музеефикации дома непосредственно курировала тогда первый заместитель директора Л. А. Михайлова. Специально для этого в 2002 г. был создан отдел истории Ростова XIX–XX вв., который возглавил автор этих строк.

В отделе в то время работали молодые сотрудники О. Г. Киселева, С. Н. Щиклицова (Митина) и О. С. Алешина.

В ходе работы по музеефикации здания было решено, что основные разделы экспозиции займут пять залов и два коридора второго этажа главного дома конца XVIII — середины XIX в. Второй этаж флигеля середины XIX в. отводился под временные выставки и бальный зал. В галерее, некогда соединявшей главный дом и флигель, решили разместить зимний сад. Первый этаж здания заняли реставрационные мастерские музея.

В конце 2007 — начале 2008 г. были разработаны концепция экспозиции «Кекины. Род, судьба, наследие» и тематико-экспозиционный план. В основу концепции экспозиции легли «Записи А. Л. Кекина», повествующие о родословии, различных сторонах жизни семьи Кекиных, расшифрованные И. В. Сагнаком и Е. И. Крестьяниновой, а также упомянутые исследования А. Л. Кекин — купец, благотворитель, много жертвовавший для родного города и музея в Ростовском кремле, оставивший

Ростову свое состояние, стал по сути главной персональной экспозиции, размещившейся в доме, где он родился.

Основные разделы экспозиции — «Прихожая» и «Гостиная», «Дамская гостиная» и «Столовая», «Кабинет» и др. — выстраивались таким образом, чтобы в каждом раскрыть несколько тем, а немногие мемориальные вещи семьи Кекиных, предметы связанные с их деятельностью, заняли здесь главное место.

Тематико-экспозиционный план формировался с учетом мнения большинства музейных специалистов. Наиболее часто приходилось обращаться за советом к Е. И. Крестьяниновой и Г. А. Никитиной, В. М. Уткиной и В. Б. Ермоловой, В. К. Кривоносовой и Т. В. Колбасовой, Е. В. Брюхановой и многим другим.

Так, раздел «Прихожая», с иллюстрациями видов города конца XIX — начала XX в., размещившийся в зале с парадной лестницей, был создан на основе книги Е. И. Крестьяниновой и Г. А. Никитиной «По старинным улицам Ростова». Здесь же, по исследованиям Т. В. Колбасовой, показан ряд портретов купцов-благотворителей, размещавшихся когда-то в Ростовской городской управе. Основное место в этом зале занял гипсовый эскиз бюста А. Л. Кекина, созданный А. И. Звонилкиным, который в бронзе предполагалось установить у здания Ростовской гимназии. В ходе работы над экспозицией бюст был отреставрирован Ю. М. Барановым.

Музейная экспозиция создается целеустремленными усилиями двух сторон: научных сотрудников музея и художников. Для оформления экспозиции тогда был приглашен художник из Ярославля Г. И. Радовский, сотрудничавший с музеем-заповедником и ранее. Вместе с ним, уже непосредственно над художественным оформлением экспозиции, трудились его супруга Вера Алексеевна и Г. В. Медведев. Была проведена большая работа по обмеру выставочного пространства. При помощи и содей-

ствии отдела фондов, а также в Ростовском филиале Государственного архива Ярославской области фотографировались и сканировались будущие экспонаты.

Поскольку предстояло музеефицировать здание, которое ранее являлось жилым купеческим домом, было решено сделать экспозицию интерьерной, теплой, домашней. Что в целом и получилось. В марте 2008 г. Георгий Игоревич представил ученому совету музея эскизы художественного решения экспозиции, которые были, после ряда замечаний и доработки, утверждены. Ныне они хранятся в музейном архиве.

В соответствии с размерами, габаритами экспонатов, тематических комплексов, в апреле и мае того же года были заказаны различные вертикальные и горизонтальные витрины, другое оборудование и предметы интерьера: шторы, гардины, обои, люстры и т.п. Для сохранности музейных предметов в экспозиционно-выставочном пространстве на стекла окон главного дома и флигеля по солнечной стороне была наклеена специальная пленка, не пропускающая ультрафиолетовые лучи.

Монтаж экспозиции шел не протяжении трех летних месяцев. Постепенно в здание завозилось заказанное оборудование, клеились обои, монтировались люстры, сигнализация, были выглажены и повешены шторы, собирались витрины. Под руководством и при непосредственном участии главного хранителя музея В. М. Уткиной и отдела Фондов завозились и размещались экспонаты.

Не все удалось сделать надлежащим образом. В экспозиции заметен избыток копий документальных материалов, графики, портретов и фотографий, который ныне можно и давно уже нужно решить дьяволом: с помощью витрин открытого хранения и плазмы для иллюстрации вспомогательных материалов.

В целом, в создании нового музея

принимала участие значительная часть сотрудников различных отделов и подразделений музея-заповедника «Ростовский кремль»: от заместителя директора В. В. Зякина, научных сотрудников разных отделов, хранителей и реставраторов, бухгалтерии во главе с И. Л. Павловской и юристов до транспортного подразделения и музейной службы безопасности.

В этот период в штатном расписании дома Кекиных появились новые должности и сотрудники. Из Ростовского кремля в новый музей перешли работать кадровые смотрители — Т. К. Сафармамадова и Е. В. Сурина. Перед открытием экспозиции к ним присоединились новые смотрители И. В. Ваганова и Е. Б. Хрунова. Кассиром музея в новом магазине-салоне стала работать И. Ю. Перова. Несколько позже, осенью 2008 г. в штат отдела Истории Ростова XIX–XX вв. была введена должность экскурсовода. Первым экскурсоводом музея Ростовского купечества стала А. А. Романова. Обязанности коменданта дома Кекиных великолепно исполняла Т. Б. Субботина. Так сложился первый коллектив.

Экспозицию торжественно открыли к 125-летию ГМЗРК, в дождливый, пасмурный день 29 августа 2008 г., в присутствии многих гостей, приехавших на юбилей: директоров ярославских музеев, руководства города и района, неравнодушных ростовских граждан и, конечно же, сотрудников музея-заповедника. Кроме экспозиции в одном из выставочных залов прошла презентация выставки фотографий, сделанных с орбитальной космической станции В. И. Токаревым, занимавшем в тот период пост главы Ростовского района.

По мысли Е. И. Крестьяниновой и Г. А. Никитиной, открытие экспозиции, посвященной купеческому роду Кекиных, — это возвращение исторической памяти ростовцев, и в то же время выражение их благодарности сословию-труженику, которое построило Ростов и сохранило его древности.

Первые годы музея Ростовского купечества прошли в налаживании непосредственной музейной работы: проведение экскурсий и создание буклета по экспозиции, новые выставки, просветительные мероприятия и концерты, где выступали Т. Г. Золотайкина, Н. А. Трушина и А. Г. Алексеев, О. Н. Куликова и В. Ю. Куликов. При содействии дирекции музея-заповедника, непосредственном участии Л. А. Ельниковой в доме Кекиных были налажены выездные бракосочетания с интерактивной программой, включавшей в себя старинные бальные танцы, экскурсию, фотографирование в интерьерах экспозиции. Также в интерьерах музея Ростовского купечества в 2009 г. весьма интересно прошли съемки сериала «Котовский».

В 2018 г. музеем и экспозиции в доме Кекиных — 10 лет. Создание экспозиции, ее монтаж, были для меня временем получения ценнейшего опыта музейной работы — совместно с замечательными коллегами, творчески настроенным коллективом. Мне радостно, что музей живет, и он нравится посетителям.

Дальнейшего доброго пути!

Александр Морозов

Ил. 3–4. Г.И. Радовский, А.Г. Морозов и О.Г. Киселева; В.А. Радовская

Семья Дмитриевых в Ростове

Иван Андреевич Дмитриев был одним из двенадцати детей крепостного музыканта Андрея Дмитриева, отпущенного на оброк в Москву. После 1861 года семья получила вольную и осталась жить в Москве.

В зрелые годы Иван Андреевич работал в банке служащим. Человеком был образованным, широким интересов, тяготел к актерской среде, много читал и собирал библиотеку. В банке, где он работал, держали свои сбережения артисты Московского Художественного театра. Многих, и самого Станиславского, он знал лично.

Сам Иван Андреевич очень успешно выступал в любительских спектаклях, вплоть до самой старости уже в Ростове. Здесь им и его друзьями была создана талантливая любительская труппа. Спектакли пользовались большим успехом у горожан.

Иван Андреевич Дмитриев — отец Клавдии Ивановны Шухвастовой, которая по окончании Московских женских курсов приехала в Ростов в 1912 г. и проработала в здравоохранении всю свою жизнь, начав с должности фельдшера и закончив заведующей городской больницей.

У Клавдии Ивановны был младший брат Андрей (1893–1921). Его жизненный путь был коротким, умер в 28 лет, но оказался очень талантливым художником. Окончил художественную школу Ф. Рерберга в Москве, участвовал в оформлении драматических спектаклей в Малом и Большом театрах. Его пейзажные работы часто выставлялись на художественных выставках.

Навещая сестру в Ростове, Андрей любил писать уникальные архитектурные постройки, памятники старины, ростовские пейзажи. Им было создано множество картин и этюдов с видами Ростова, многие из них сейчас хранятся в музее-заповеднике «Ростовский кремль».

В голодные годы Гражданской войны Клавдия Ивановна забрала из Москвы своих родителей. Они переселились к ней в Ростов. Таким образом, библиотека И. А. Дмитриева, которую он активно собирал с 90-х годов XIX в. по 20-е годы XX века оказалась в Ростове.

Основа библиотеки — это Полное собрание сочинений классиков русской и зарубежной литературы. В дальнейшем библиотека пополнялась на протяжении жизни 3-х поколений семьи Дмитриевых — Шухвастовых — Наумовых, отражая их интересы, вкусы и увлечения, профессии.

После смерти Клавдии Ивановны в 1962 году, литература по медицине была передана в городскую больницу. Книги, учебные пособия по физике и электротехнике, собранные мужем Клавдии Ивановны — Василием Ивановичем Шухвастовым (преподавателем физики и математики), переданы в техникум. Сыном Клавдии Ивановны Федором — впоследствии соратником С. П. Королева, создателя космического ракетостроения, и зятем Наумовым Игорем Олеговичем — инженером Ростовской электросети, — большая часть книг отдана знакомым студентам технических вузов.

Большое собрание советских детективов, художественной литературы, которое с 50-х годов XX в. активно собирал Игорь Олегович, подарены библиотеке бывшей Кофе-цикорной фабрики и в городскую библиотеку.

В 2006 году Зинаидой Игоревной Казановой, правнучкой Ивана Андреевича Дмитриева, часть библиотеки (189 единиц хранения) была подарена в научную библиотеку

Ил. 1. На фото (слева направо): Клавдия Ивановна Дмитриева (супруга Ивана Андреевича); их дочь Клавдия (в замужестве — Шухвастова); Мария Андреевна Дмитриева (сестра Ивана Андреевича); сын К. И. и И. А. Андрей (будущий художник, картины которого хранятся в Ростовском музее); Иван Андреевич Дмитриев

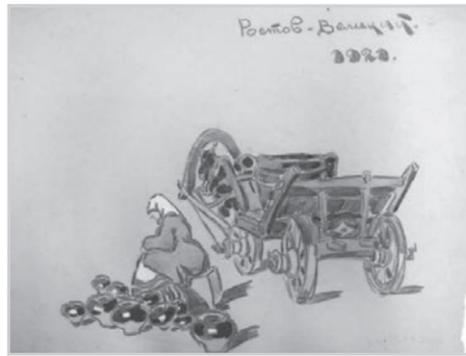
Ростовского музея. Это книги XIX–XX веков — ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива». Среди них — Полное собрание сочинений Д. И. Мамина-Сибиряка (1915 г.); В. Г. Короленко (1914 г.); Л. Андреева (1913 г.); Д. В. Григоровича (1896 г.); Н. Г. Горина

(1916 г.); Мольера (1913 г.) и др.

Хочется выразить большую благодарность Зинаиде Игоревне за предоставленные воспоминания и семейные фотографии, раскрывшие еще одну страничку жизни ростовской семьи.

Александра Юревич

Этюды Андрея Дмитриева в собрании Ростовского музея

Священник Александр Николаевич Доброхотов: страницы биографии

Статья посвящена биографии настоятеля церкви Сергия Радонежского с. Мосейцева Ростовского уезда Александра Николаевича Доброхотова (годы служения: 1887–1931). Сведения были получены из воспоминаний старожилов с. Мосейцева, материалов газеты «Ярославские епархиальные ведомости», архивных фондов Ярославской духовной консистории, церковью Ростовского уезда, Ростовского уездного и районного исполнительных комитетов, следственного дела А. Н. Доброхотова 1931 г. (хранится в фонде Управления ФСБ по Ярославской области).

Александр Николаевич Доброхотов родился 18 сентября 1863 г. (по старому стилю) в семье священника храма Илии Пророка с. Каликина Ростовского уезда Николая Васильевича Доброхотова, переведенного в 1866 г. к церкви Рождества Богородицы с. Нажерова того же уезда. Продолжая служебный путь отца, А. Н. Доброхотов в 1886 г. окончил Ярославскую духовную семинарию в сане церковного причетника. Известно, что преподавателями семинарии в этот период состояли известные деятели Ярославской епархии Н. А. Барский, Е. Ф. Ковалев, В. П. Голубков, Г. Н. Преображенский, В. Д. Архангельский, Н. Н. Корсунский.

Касаясь этапа жизни А. Н. Доброхотова, связанного с учебной в Ярославской духовной семинарии, отметим следующий факт. В 1906 г. на встрече выпускников-однокурсников Ярославской духовной семинарии, среди которых был и А. Н. Доброхотов, был учрежден стипендиальный фонд «имени курса» для поддержания сына одного из товарищей по курсу, обучавшегося в семинарии. Основу этого фонда составили собранные участниками встречи 205 рублей, которые было решено пополнять ежегодными взносами «не менее двух рублей с человека». Известно, что с 1906 по 1915 гг. в фонд было внесено 170 рублей, заключительные взносы предполагалось сделать на встрече бывших семинаристов в 1916 г., которая была отложена «до лета» 1917 г. Несмотря на отсутствие сведений о ней, в свете дальнейших политических событий можно предположить, что она не состоялась.

После окончания Ярославской духовной семинарии Александр Николаевич Доброхотов по распоряжению Архиепископа Ярославского и Ростовского Ионафана от 20 октября 1886 г. был утвержден в качестве законоучителя (преподавателя «Закона Божьего») народного училища, открывшегося в д. Харитонцево Ростовского уезда. Вскоре, 5 марта 1887 г. он был назначен настоятелем к церкви Сергия Радонежского с. Мосейцева на место умершего священника В. В. Капцевича, а с 28 марта того же года и законоучителем в Мосейцевском народном училище.

Об активной деятельности священника в деле обучения приходских детей свидетельствует тот факт, что за успехи в этой области он 16 мая 1892 г. со стороны епархиальной власти и Святейшего Синода был награжден набедренником.

Воспоминания об усердном отношении А. Н. Доброхотова к пастырской службе сохранились в рассказах прихожан о «стареньком батюшке» Александре, до такой степени содержащего себя в строгом посту, что «в Пасху-то вокруг церкви его под руки водили».

Документы сообщают, что А. Н. Доброхотов активно участвовал в деятельности 6-го благочинного округа Ростовского уезда, в котором состояла Мосейцевская церковь, занимая должности следователя благочинного округа (1897–1907 гг.), кандидата в члены и члена благочиннического совета (1904–1915 гг.), а с 6 июня 1915 г. главы благочинного округа.

Деятельность настоятеля Сергиевского прихода с. Мосейцева Александра Николаевича Доброхотова была отмечена 30 апреля 1895 г.

благословением Архиепископа, 18 марта 1903 г. — выдачей бархатной фиолетовой скуфьи, 1 апреля 1913 г. — фиолетовой камиллавки.

Как известно, политические силы, пришедшие к власти в октябре 1917 г., проводили политику ликвидации церковных общин, закрытия храмов, репрессий священнослужителей. Из эпизодов послереволюционных взаимоотношений Мосейцевского церковного прихода и нового местного руководства упомянем об изъятии храмовых ценностей и денежных сумм, наложении штрафов за несанкционированные собрания церковной общины. Кульминационным моментом этих событий является следственный процесс 1931 г. по делу настоятеля храма А. Н. Доброхотова.

Согласно документам из судебного дела, с 4 по 9 января 1931 г. представитель Ростовского окружного отдела ОГПУ Зубарев проводил допросы ряда жителей с. Мосейцева, в ходе которых выяснилось, что в начале 1931 г. члены церковной общины во главе со священником А. Н. Доброхотовым осуществляли в селе и соседних деревнях сбор пожертвований на нужды церкви. Некоторые утверждали, что данным мероприятием была сорвана кампания по сбору сельскохозяйственного и подоходного налогов. По словам одного из допрашиваемых, священник, пытавшийся насаждать «религиозный фанатизм», в 1930 г. прочитал проповедь, которая вызвала массовый выход крестьян из колхоза. Вызванный на допрос 7 января 1931 г. А. Н. Доброхотов сообщил, что он был инициатором сбора церковных пожертвований, отвергнув

обвинения в срыве налоговой кампании.

Согласно «Обвинительному заключению», составленному 3 февраля 1931 г., А. Н. Доброхотов признавался виновным в проведении активной антисоветской деятельности, «насаждении религиозно-фанатической ереси», срыве сбора сельскохозяйственного налога и содействии развалу колхоза. Решением судебного заседания тройки ОГПУ по Ивановской промышленной области от 26 марта 1931 г., приведенным в исполнение, шестидесятивосьмилетний А. Н. Доброхотов «высылался» на два года в Северный край. На 5 сентября 1931 г. Сергиевская церковь с. Мосейцева характеризовалась как не функционирующая «за отсутствием служителя культа». Следует сказать, что сведения о дальнейшей судьбе священника с. Мосейцева А. Н. Доброхотова отсутствуют. Известно, что А. Н. Доброхотов был реабилитирован 8 августа 1989 г. по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Рассмотрение выявленных документов позволило выделить основные моменты биографии священника церкви Сергия Радонежского села Мосейцева Александра Николаевича Доброхотова до 1931 г. В целом можно говорить, что изучение разнообразных материалов дает возможность осветить такой важный аспект истории церковных приходов, как биографии их священно- и церковнослужителей.

Алексей Киселев

Издания «Ростовского кремля», вышедшие в 2018 году

История и культура Ростовской земли. 2017. — Ростов, 2018. — 328 с.; ил. — ISBN 978-5-950093-2-8

Сборник материалов научной конференции 2017 года включает 28 статей.

Его открывает статья К. А. Аверьянова «Когда родился князь Константин Всеволодович Ростовский?», посвященная проблемам хронологии русского летописания.

А. Н. Грязнов (Вологда) анализирует документальный комплекс семейных архивов светских землевладельцев в статье «Владельческие архивы князей Кемских в XV–XVI вв.».

В. Г. Пуцко в своей публикации «Эталон в ростовской иконописи XIII–XVI веков» обращается к изучению различных художественных направлений ростовского иконописания.

Вопросы хронологии и систематизации данных о вкладах княжеских фамилий в Толгский монастырь раскрывает А. В. Сергеев в исследовании «Письменные памятники Ярославского Толгского монастыря как источник биографических сведений о представителях княжеских фамилий Московского государства XVI–XVII вв.».

Эволюция документации по церковному учету народонаселения в дOMETрический

период — предмет изучения авторов статьи «Новые источники по исторической демографии XVII — первой половины XVIII вв. (Устюжская десятина Ростовской митрополии и Великоустюжская епархия)», Д. А. Пшеницына и М. С. Черкасовой.

Д. Ф. Полознев продолжает демографическую проблематику и публикует статью «О грамотности жителей Ярославля в XVII веке: попытка гипотезы».

В. В. Игошев в статье «Развитие традиций московских царских мастерских конца XVI — середины XVII столетия в произведениях строгановских ювелиров» прослеживает сходства и отличия в работах мастеров известных ювелирных центров.

С. В. Ерохина предлагает вниманию читателей обзор музейной коллекции изразцов от XV в. до наших дней: «Изразцы из собрания Угличского музея».

Ряд статей освещает различные аспекты истории Ростовского архиерейского дома: И. В. Коновалов — «К вопросу об орнаментации колоколов Ростовской звонницы. Художественное оформление колокола «Красный» звонницы Успенского собора в Ростове»; Т. Л. Никитина — «Роспись южного крыльца ростовского Успенского собора»; А. Е. Тарасов — «К рукописной истории «Летописца о Ростовских архиереях»».

А. Г. Мельник в статье «Иконостас, созданный в стиле рококо по проекту архитектора Карла Бланка в соборе Переславского Никитского монастыря» рассматривает историю создания уникального монументального памятника XVIII в.

Две статьи посвящены описанию комплексов документальных источников: А. Г. Морозов — «Маклерские книги города Ростова конца XVIII — середины XIX в. как исторический источник»; А. Ю. Парфенов, А. А. Парфенов — «Архивная россыпь Казанского храма села Скнятиново. Предварительная опись».

Ю. В. Стародубов публикует очерк «Архитектор, картограф, землемер А. В. Мизеров и его творческое наследие».

А. Е. Виденева в статье «Опись имущества яковлевского архимандрита Иннокентия 1847 года» дает представление о повседневной стороне жизни видного ростовского религиозного деятеля первой половины XIX в.

Н. В. Белова посвящает статью отдельным страницам из истории крупных книжных собраний, бытовавших в Ростове в XIX в., — «Книги из библиотек ростовских купцов в фонде Ярославской областной универсальной научной библиотеки имени Н. А. Некрасова».

Процессы развития крупного вотчинного хозяйства на территории Ярославского края отражены в публикации Е. В. Рогушкиной «Документы рода Апраксиных в фонде музея «Ростовский кремль»».

Н. Е. Коновалова в статье «Новые сведения о фарфоровой фабрике в деревне Песочной Ярославской губернии. 1880-е — 1895 гг. (по материалам ГАЯО и РБФ ГАЯО)» рассказывает о начальном «документальном» периоде истории известного фарфорового производства.

Обзор «ростовских» материалов, опубликованных в одном из старейших рос-

сийских периодических изданий, представил А. В. Киселев: «Ярославские губернские ведомости» — источник по традиционной культуре ростовских крестьян XIX — начала XX в.».

Результаты изучения уникальной музейной коллекции представляет Е. В. Брюханова в статье «Пуговицы с росписью на эмали из собрания музея «Ростовский кремль» (вопросы датировки)».

Главный христианский символ в системе образов народного искусства и народной бытовой культуре — тема статьи И. З. Зубец «Образ креста в русской культуре».

Отдельным аспектом формирования фонда «Археология» ГМЗРК посвящена статья А. Л. Каретникова «Коллекция кремневых изделий и отщепов (А-178) в музее «Ростовский кремль»: уточнение атрибуции».

Е. В. Яновская в своей статье «Письма А. Ф. Бычкова А. А. Титову (из фондов ГАЯО)» раскрывает содержание деловой переписки 80–90-х гг. XIX в. известных деятелей российской культуры.

В сборнике представлен ряд публикаций, посвященных общественной и культурной жизни Ростова XX века: Д. Е. Леонов — «Ростовский совет Союза безбожников: организация и деятельность»; В. Ф. Пак — «К вопросу об организации Ростовской художественной финифтяной профтехшколы»; К. А. Степанов — «Реконструкция главного корпуса Ростовской больницы в 1960-х годах».

Завершает сборник статья Г. Н. Ланского «Особенности организации хранения и учета аудиовизуальных документов в музейных собраниях».

Смирнов Я. Е. Ярославль и Ростов Великий глазами балканского путешественника, 1892 — Ярославль; Ростов, 2018. — 384 с.; ил. — ISBN 978-5-950093-7-3 (ГМЗРК); ISBN 978-5-906040-67-1 (Академия 76)

Книга историка Ярослава Евгеньевича Смирнова, заведующего редакционно-издательским отделом музея «Ростовский кремль», повествует о забытом «выдающемся славянском писателе» — балканском журналисте и путешественнике Иосифе (Джузеппе) Модриче. В 1892 году в Италии вышла его «путевые заметки и воспоминания» о России. Главы из этого сочинения с рассказом о Ярославле и Ростове Великом, извлеченные из первой публикации на страницах «Ярославских губернских ведомостей» (1893), легли в основу настоящего историко-документального издания.

Знакомиться с древнерусскими городами иностранцу помогал Андрей Александрович Титов — знаменитый ростовский купец и историк, знаток русских древностей, один из основателей музея в Ростовском кремле. Как выяснил Я. Е. Смирнов, на многие явления ярославской и ростовской истории и жизни Модрич смотрит глазами Титова, путевые очерки туриста обнаруживают текстологические параллели с историческими сочинениями ростовского краеведа.

Обращение непосредственно к итальянскому оригиналу позволило исследователю выявить рассказ об А. А. Титове и его семье, отсутствующий в русском переводе. Современное издание эту лакуну восполняет.

Помимо публикации двух глав из книги путешественника о ярославских городах издание содержит комментарии

к данным текстам Модрича. Они позволяют настроить фокусировку восприятия читателем тех реалий прошлого, свидетелем которых стал «турист-иностранец», «проезжая через Ярославскую губернию...». Такое название носит исследование Я. Е. Смирнова, посвященное биографии Иосифа Модрича и его книге о России.

В документальном приложении к изданию впервые собраны тексты из различных источников русской печати последнего десятилетия XIX века, повествующие о забытом балканском писателе. Здесь же впервые в русском переводе публикуется глава «Русская жизнь» из итальянского издания записок путешественника.

Своеобразным элементом исторической реконструкции в издании служат иллюстрации, выполненные известным ярославским художником Игорем Сакуровым.

Богато иллюстрированное издание явилось совместным проектом музея «Ростовский кремль» и ярославского издательства «Академия 76» (директор М. А. Нянковский).

Сообщения Ростовского музея. — Ростов, 2018. — Выпуск 23. — 328 с.; ил. — ISBN 978-5-950093-3-5

Сборник составляют 11 публикаций, посвященных различным вопросам российской истории и культуры.

Книгу открывает работа московских исследователей С. М. Каштанова и В. П. Козлова «Василий III — «един правый государь» — научный комментарий к VII тому «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина».

Различные аспекты одной темы — почитания святых

в Древней Руси — рассматривают А. Г. Мельник («Богомолье царя Ивана Грозного») и С. А. Семячко из Санкт-Петербурга («О формировании месяцеслова «новых чудотворцев» и о сборниках, им посвященных»).

В. П. Пушкин делает обзор «Книжные покупки Переславля-Залесского в лавке Московского печатного двора в XVII веке (по архиву Приказа книгопечатного дела)».

Две статьи посвящены исследованию музейных собраний финифти: Л. Ю. Мельник — «Госкаталог как инструмент познания — на примере изучения музейных собраний финифти»; В. Ф. Пак — «К вопросу о терминологии в ростовской финифти: живопись или роспись по эмали, финифтяники или финифтянчики».

К. А. Степанов поднимает вопросы изучения церковно-приходского летописания в статье «Церковно-приходская «летопись» событий, происходивших

в России, городе Ростове Ярославской губернии и церкви святого Иоанна Предтечи».

Одному из представителей славного ростовского рода Титовых посвящает статью Я. Е. Смирнов — «Отчий дом. Глава из биографической книги об Александре Андреевиче Титове (к 140-летию со дня рождения)».

А. Г. Морозов продолжает исследование крестьянских фалимий села Поречья статьей «Новые данные о роде Пыховых» в сопровождении комплекса семейных фотографий и воспоминаний.

А. Л. Каретников, В. А. Каретникова и З. В. Тарарака представляют археологические изыскания последних лет в статье «Новейшие археологические открытия на Горе святой Марии».

Завершает сборник «Список трудов Константина Анатольевича Степанова за 2001–2018 гг.», публикация приурочена к юбилею исследователя.

Колокола и колокольчики: альманах / гл. ред. Н. С. Каровская, С. А. Старостенков. Вып. 2. — Ростов, 2018. — 184 с.; ил. — ISBN 978-5-9908342-6-2

Очередной выпуск campanологической альманаха включает материалы разной проблематики и жанров.

Вопросам развития колоколоведения в России посвящена статья Н. И. Бондарь «Колокола Кубани». А. А. Глушецкий в статье «Егор Спиридонович Ключков (1852–1922)» приводит новые архивные материалы о владельце одного из крупнейших меднолитейных заведений по изготовлению колоколов и бубенчиков в России. Деятельности ростовского коллекционера и исследователя колоколов В. А. Кима посвящает свою статью С. И. Су-

кач («В. А. Ким — составитель каталога-справочника «Ямские колокольчики и бубенцы» как инструмента их атрибуции и систематизации»).

В статье А. Ф. Бондаренко рассматривается о ходе работы по сбору библиографических данных об исследователях колоколов («Отечественная campanология в персоналиях»).

М. Г. Вершинина исследует место колокола в звуковом пространстве народной культуры и языка («Отражение звучания колокола, колокольчика, бубенца в диалектной речи»).

В разделе «Региональная campanология» представлены исследования: Е. С. Морарь и А. А. Шамарина «Архитектурное обследование колокольного Спаса-Преображенского собора г. Усолье с использованием цифровых технологий»; Ю. Эггер «Православный звон ярославской столицы». А. Е. Виденева продолжает обзор публикаций о колоколах по материалам «Ярославских епархиальных ведомостей».

История курянов Спаса-Яковлевского монастыря г. Ростова и жизнеописанию их

создателей рассмотрена в статье А. Е. Виденева и А. Г. Морозова «Часовых дел мастера Дмитрий и Иван Савостины и колокольные часы Спасо-Яковлевского монастыря начала XIX века».

Две работы посвящены проблемам зарубежной campanологии: Дж. Боссин — «Каталогизация и классификация колоколов в Германии и карилонов мира в Европе и США» и И. Д. Боченкова — «Колокола «Ренго» и «Марагона» в общественной жизни средневековой Вероны».

В разделе «Подвижники» представлены биографические материалы и очерки В. В. Михеевой («К истории появления эпистолярного наследия А. А. Израилева в ГМЗ «Ростовский кремль». Каталог фонда); А. А. Ганулича («Анатолий Константинович Ганулич — коллекционер- campanолог»); В. Ю. Пирирайне («Олег Николаевич Магницкий — инженер, ученый, педагог, теоретик современной campanологии»).

Завершает альманах «Поэтическая страничка» с подборкой стихов Л. Я. Рахмановой.